

Научная статья

УДК 821.161.1

doi: 10.17223/23062061/38/5

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИХ КНИГ А.А. ИЗМАЙЛОВА

Вячеслав Николаевич Крылов

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань;
Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского,
Санкт-Петербург, Россия, krylov77@list.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблеме жанрового своеобразия литературно-критических книг одного из ведущих представителей фельетонной критики начала XX в. Александра Алексеевича Измайлова. Предлагается теоретическое и историко-литературное осмысление феномена критической книги в рамках междисциплинарного подхода на границах истории литературы, литературной критики и книговедения. Характеризуются особенности жанровой поэтики трех книг Измайлова, акцентируются некоторые аспекты их творческой истории и рецепции, а также обосновывается формально-содержательная целостность анализируемой трилогии.

Ключевые слова: жанр, литературно-критическая книга, А.А. Измайлов, заголовочный комплекс, литературная репутация

Для цитирования: Крылов В.Н. Жанровое своеобразие литературно-критических книг А.А. Измайлова // Текст. Книга. Книгоиздание. 2025. № 38. С. 109–132. doi: 10.17223/23062061/38/5

Original article

GENRE UNIQUENESS OF LITERARY-CRITICAL BOOKS BY ALEXANDER IZMAYLOV

Viacheslav N. Krylov

*Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation;
Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky,
Saint Petersburg, Russian Federation, krylov77@list.ru*

Abstract. The article deals for the first time with the problem of genre originality of literary-critical books of Alexander Alekseevich Izmaylov, one of the leading rep-

representatives of feuilleton criticism of the early 20th century. The article consists of two interrelated parts. The first provides a theoretical and historical-literary comprehension of the phenomenon of the critical book within the framework of an interdisciplinary approach on the borders of literary history, literary criticism and book studies. It is proposed to approach the editions of critical articles, which became widespread in the late 19th and early 20th centuries, as attempts to create a special integral form, reflecting the culture of book writing in the Silver Age. In this regard, the reasons for the rise of critical books in this period are due to the expansion of the scope of the institution of criticism, the tendency to strengthen its independent role, criticism as creativity, and the problem of the book in the early twentieth century, which was topical for the generation of Symbolists. The author believes that one should also take into account the connection between genre-forming factors in the lyrical cycle and in critical books. The second part characterizes the features of the genre poetics of Izmaylov's three books and also emphasizes some aspects of their creative history and reception. Unlike the critical publications of modernists addressed to a limited circle of connoisseurs, Izmaylov's books are initially addressed to the widest range of readers, which, in turn, determines their genre uniqueness. The title complex, including the titles of individual articles, the title of the book itself, the subtitle, and the sections, is analyzed. Titles of all levels, as a rule, carry a significant expressive load expressing the author's attitude to the writer, the work, the raised problem through sound, metaphorical titles. The whole trilogy is addressed not to the past, but to the transitional era of the turn of the 20th century, replenishing a number of editions devoted to modernity, which together form a kind of critical history of the latest Russian literature. It is substantiated that it is the attention to the problem of created writers' reputations that becomes one of the most important binding motives of all three books. In *Literary Olympus*, a peculiar dual hierarchy of those writers' names that should be included in the pantheon of contemporary literature is built up. The degree of importance of this or that figure is reflected in the compositional order of the articles. The books *Literary Olympus* and *Variegated Banners* are typologically on a par with the so-called "genre" books, i.e., they include articles of a certain genre. The conclusion is made that Izmaylov's books, which became a kind of a result of his observations on contemporary literature, are not just a reprint of previously published articles, but represent a formal-content integrity, which became a result of the author's purposeful efforts.

Keywords: literary-critical book, Alexander Izmaylov, title complex, literary reputation

For citation: Krylov, V.N. (2025) Genre uniqueness of literary-critical books by Alexander Izmaylov. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 38. pp. 109–132. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/38/5

Александр Алексеевич Измайлов был в первую очередь одним из самых заметных литературных критиков и пародистов конца XIX – начала XX в., представителем так называемой «фельетонной» профессиональ-

ной критики, ориентированной на массового читателя¹. Современники ценили его за меткие наблюдения, независимость критической позиции, за умение писать популярно, ненавязчиво, с учетом установки тех периодических изданий, в которых он сотрудничал, за доходчивость, доступность «фельетонной» критики, воспринимали его как «охранителя художественности в литературе», «умирающего вкуса» [1. С. 239]. «Ценитель и знаток литературы» [2. С. 122], «не только критик, но и присяжный летописец литературы» [3. С. 780] – вот далеко не полный перечень определений, которыми награждали его современники, что говорит о несомненном таланте и той заметной роли, какую Измайлов играл в литературной жизни. В сборнике «Русская критика современной литературы» (1912) отмечалось, что статьи Измайлова «воодушевляет редкая любовь к самой личности писателей, любовь, которую критик укрепляет дружеским знакомством с тем или иным автором» [4. С. 64].

Но, пожалуй, самую высокую оценку таланту Измайлова-критика дал В.В. Розанов в отзыве на книгу «Помрачение божков и новые кумиры». «Ум спокойный, не раздраженный и не раздражительный, большое знание литературы в ее прошлом и настоящем, но самое главное и редкое качество любовь к человеческому слову во всех его изгибах, переживаниях и формах, а следовательно, любовь и к книге, и к писательскому лицу, – вот отличительные черты критика Измайлова, давно за ним установленные читателями, авторами и собратьями-критиками» [5. С. 304].

¹ Вместе с тем такая «аттестация» мало соотносится с современным интересом к его наследию: А.А. Измайлов все же «потеснен» К. Чуковским, что проявляется и в издательской практике. Если основной объем критики Чуковского переиздан в Собрании сочинений, то измайловские статьи, рассеянные по многочисленным периодическим изданиям, многие из которых являются редкими или труднодоступными, только ждут хотя бы какого-то отдельного тома; заслуживают переиздания с современными комментариями и справочным аппаратом книги его статей «На переломе», «Помрачение божков и новые кумиры», «Литературный Олимп», «Пестрые знамена. Литературные портреты безвременья», подобно подготовленной Е.В. Хворостьяновой книги Измайлова «Кривое зеркало: Книга пародий и шаржа» (СПб., 2002). В антологии «Иван Бунин: pro et contra» (СПб., 2001) опубликована статья «Ранняя осень (Поэзия и проза И.А. Бунина)», в той же серии о Блоке (2004) помещена статья «Цветы новой романтики (Поэзия Александра Блока)», в томе о З.Н. Гиппиус (2008) «Вывихнутые души (Беллетристика З. Гиппиус)», в томе о В.В. Розанове (1995) статьи «Вифлеем или Голгофа? (В.В. Розанов и “неудавшееся христианство”») и «Закат ересиярха (В.В. Розанов)», в томе об А. Белом (2004) – «Пленная мысль», в томе о Чехове (2002) – «Вера или неверие? (Религия Чехова)».

Определяя вклад Измайлова в русскую критику рубежной эпохи, его роль в реформировании ее жанров, обратимся к такому малоисследованному жанру, как литературно-критическая книга, требующему теоретического и историко-литературного осмысления в рамках междисциплинарного подхода на границах истории литературы, литературной критики и книговедения. Этот феномен до последнего времени не являлся предметом изучения. В наших исследованиях было обращено внимание на роль книг статей в жанровой системе символистской критики [6. С. 212–226]. В последнее время эта проблематика получила продолжение в исследованиях К.И. Чуковского [7], литературной критики 1960–1980-х гг. (И.И. Виноградов, М.Н. Эпштейн, И.Б. Роднянская) [8]. Отметим стремление исследователей теоретически обосновать феномен литературно-критической книги как «большой формы», попытки описать ее теоретическую модель, формально-содержательную целостность, обеспечивающуюся «наличием системы имплицитных и эксплицитных компонентов (сюжет, семантические поля, композиция, заголовочный комплекс, полиграфическое оформление, образ автора и адресата, диалогизация), где роль автора занимает решающее положение как при отборе формально-композиционных средств, так и в построении семантического единства» [8. С. 17].

Чтобы понять причины активизации и выдвижения жанра книги статей, необходимо учитывать, наряду с нормативным и генетическим, конвенциональный аспект жанровой теории, то есть соотносённость жанра с эпохой Серебряного века и действующими в ней установками [9. С. 17]. Книги критических статей, получившие распространение в конце XIX – начале XX в., необходимо воспринимать как попытки создания особой целостности формы, отражающие культуру составления книг в Серебряном веке. И в этом отношении рубежная эпоха решительно отличается от предшествующей.

В XIX в. критика присутствовала большей частью в журналах (с 1870-х гг. происходит постепенное возрастание роли газет). К.С. Аксаков еще в 1845 г. выразил желание издавать специальные критические сборники, но не встретил поддержки. Ю. Самарин, возражая Аксакову, говорил, что трудно представить в России книгу, «состоящую из одних критик»². Е.Н. Эдельсон, констатируя невозможность «в настоящее вре-

² «...Что же касается до твоего желания заменить журнал брошюрами, наполненными критиками и библиографиями, то оно кажется мне решительно неудобноисполнимым и просто невозможным. Я согласен, что критический разбор книг – необходимая, самая важная часть журнала, но я не понимаю книги, состоящей из одних

мя» отдельного критического сочинения (вне журнального контекста) или специального критического сборника, полагал, для них вряд ли бы нашлись читатели [11. С. 252].

Рубеж XIX–XX вв., по наблюдениям современников, отмечен необычайным книжным «бумом». А. Блок в статье «Литературные итоги 1907 года» отмечал: «Книги по истории литературы, критика художественная, критика текста... заняли у нас видное место, и это прекрасно, прекрасно то, что русские читатели начинают проявлять признаки жизни, когда с ними говорят на языке науки; с каждым годом возрастает спрос на анализ и на обобщения <...> Теперь количество трудов в этой области возросло значительно, и так как за дело взялись историки и критики очень разнообразных лагерей, то русская публика уже может, приняв во внимание несколько разных книг, составить ясное представление о лице русской литературы от Пушкина до наших дней» [12. С. 115]. Д.П. Шестаков отмечал убыстрение времени появления книг: «Времена книг, медленно и бережно обдумываемых, к которым писатель подходил, как старый художник к полотну, с готовой картиной из головы, – эти времена давно миновали. Газетный листок широко сотрудничает в современной книге. Французский тип сборника газетных статей... больше и больше входит в книжный обиход» [13. С. 252].

В библиографии новейшей русской литературы, составленной С.А. Венгеровым для «Русской литературы XX века», дается 175 названий различных авторских книг критических статей и 24 названия коллективных сборников, не считая книг статей об отдельных писателях [14. С. 318–322]. Несмотря на колоссальное развитие газетно-журнального дела, «в общественном сознании высшей ценностью наделяется книга. Газетчик и журналист располагаются в этой иерархии двумя ступенями и ступенью ниже, чем автор книги» [15. С. 68]. Причины активизации критических книг в этот период обусловлены рядом факторов.

1. Исследователи проблемы социологии чтения, роли книги в организации и динамике культуры отмечают, что в постклассической литературе и постпозитивной науке заметны намечающийся «переход от книги писателя к книге читателя» и возросшее противостояние создателя произведения «законодателью-интерпретатору» [16. С. 377].

критик. Критика возможна при другом. Кто подписался на журнал, кому приносят его ежемесячно, в первых числах каждого месяца, тот прочет и критику. Но кто же станет покупать одни критики? Кому нужна до твоего, до моего мнения о той или иной книге? Мнение журнала – другое дело», – писал он в письме к Аксакову (курсив наш. – В.К.) [10. С. 162].

На рубеже XIX–XX вв. расширяются масштабы института критики, усиливается ее самостоятельная роль, критика становится видом творчества (об этом писали, например, К. Чуковский, О. Уайльд).

2. Сама проблема книги с конца XIX в. становится очень важной и значимой для поколения символистов. «Если рассматривать формирование модернистских институтов с учетом материальной культуры и изменчивого взаимодействия между рынком и эстетической ценностью, то сам процесс изготовления книги как физического объекта предстает чрезвычайно важным для понимания русского символизма и его читательской базы» [17. С. 49]. Разбор книговедческих взглядов русских поэтов-символистов убеждает, что для них книготворчество было естественным продолжением литературного творчества, они стремились реализовать задачу создания книги как органического единства всех элементов содержания и формы, в итоге «в общественном сознании эпохи постепенно сложилась и закрепились модель символистского книжного издания [18. С. 210]. Книготворческие взгляды символистов оказывали влияние и на опыты в области критики, и не только на их собственные.

3. На рубеже веков получило активное развитие издание самых разнообразных философских, публицистических сборников («Проблемы идеализма», «Вехи», «Литературный распад» и т. д.). Возникли и новые для русской критики типы сборников – не механические собрания статей, а концептуальные книги, пронизанные внутренней логикой. Пресловутая книжность (металитературность) модернистов искала выхода за пределами только собственно художественных книг.

4. Критические жанры находятся в определенной, хотя и довольно сложной, не прямой зависимости от развития литературы данного периода. На рубеже веков активно развивается книга (цикл) стихов как особое жанровое образование. Логическое структурирование поэтических книг – весьма типичное явление для поэзии Серебряного века. Полагаем, что наличествует связь между жанрообразующими факторами в лирическом цикле (книге) и в критических книгах.

5. Для автора переходной поры окружающий мир предстал дробным, мозаичным, хаотичным, а форма цикла позволяла преодолеть эту расколотость восприятия. Усложнение литературного процесса вело к центростремительным тенденциям в критике. Короткие эссеистские жанры не могли отразить панорамную картину литературной жизни, для осмысления которой требовался больший простор. Книга статей стала выполнять роль своеобразного «заменителя» жанра обзора, отошедшего в некотором отношении в это время на периферию. Как и другие

жанры в критике, книги были призваны не только выражать индивидуальный взгляд на литературу прошлого и настоящего, но и убедительно *воздействовать* на литературу и читателя. На рубеже веков сильное «программирующее» влияние на критические жанры оказывали задачи утверждения новых литературных направлений и течений и новых принципов критических методов. Каждый значительный сборник выдвигал собственную критическую методологию, становясь своеобразной вехой в развитии критики. Так воспринимались «Вечные спутники» Д. Мережковского, «Литературный дневник» З. Гиппиус, «От Чехова до наших дней» К. Чуковского, «Символизм», «Арабески», «Луг зеленый» А. Белого, «Книги отражений» И. Анненского, «Лики творчества» М. Волошина, «Силуэты русских писателей» Ю. Айхенвальда и другие книги.

Авторы сосредоточили внимание на составе, построении своих книг (материал об этом содержится в их переписке, в предисловиях к книгам). Они размышляли над проблемой сборников, принципами их составления, вникали в проблемы редакционно-издательского процесса³.

Историко-литературная роль подобных книг заключалась в том, что они позволяли зафиксировать движение времени, историческую перспективу, путь развития литературы в «зеркале» критики.

Можно выделить несколько *типов* организации книг: хронологический, проблемный, тематический, жанровый. Очень широк диапазон жанровых форм: литературный дневник («Литературный дневник» З. Гиппиус, третий раздел «Арабесок» А. Белого, «Книги и люди» А. Горнфельда), критика о критике Гринберга («Русские критики» А. Волынского, коллективный сборник «О критике и критиках»), философско-эстетическое эссе («По звездам» В. Иванова), книга об отдельном литературном направлении («Символизм» А. Белого, «Русские символисты» Эллиса), сборник о творчестве одного писателя, включающий статьи разных авторов («Критические статьи о произведениях Максима Горького. Изд. С. Гринберга», «О Ф. Сологубе. Критика. Статьи и заметки. Сост. А. Чеботаревская», «Критика о творчестве Игоря Северя-

³ См. в письмах А. Белого к издателю А.М. Кожебаткину, как обсуждается порядок распределения статей в «Символизме» и «Луке зеленом»: «...Посылаю Вам предложение статьи. Ее следует поместить после «Опыта характеристики» или же после «Описания стихотворения» <...>. Присланная статья теоретически важна <...> Дорогой Александр Мелетьевич: все собрал и рассортировал: ради Бога, не потеряйте: тут установлен окончательный порядок статей...» [19. С. 134, 146]. Один из первых итоговых образцов символистской критики – книга Мережковского «Вечные спутники» создавалась при прямом участии П. Перцова, который переделывал статьи, сокращал и т. д.

нина»), сборник портретов о различных писателях («Книга о русских поэтах последнего десятилетия» под редакцией М. Гофмана, «Поэты наших дней (Критические этюды)» Н. Пояркова), сборники отдельного критического жанра, принадлежащие одному автору («Сиуэты русских писателей» Ю. Айхенвальда, «Критические рассказы» К. Чуковского, «Письма о поэзии» П. Перцова, «Письма о русской поэзии» Н. Гумилева), книги о писателях прошлого («Вечные спутники» Мережковского, «Русская Камена» Б. Садовского), о писателях прошлого и современности («Далекие и близкие» В. Брюсова, «Книги отражений» И. Анненского, «Борьба за идеализм» А. Волынского), о современниках («Наши спутники» Г. Чулкова), «смешанные» сборники критики и поэзии («Философские течения русской поэзии» П. Перцова, «Книга о русских поэтах последнего десятилетия» М. Гофмана, «Стихи и проза» И. Коневского), критики литературной и художественной, путевых очерков, литературно-философских эссе, лирики («Первый сборник» П. Перцова, «Горные вершины», «Белые зарницы», «Морское свечение» К. Бальмонта, «Лики творчества» М. Волошина) и т. д.

Как правило, уже на стадии составления авторы не рассматривали книги статей как простое переиздание ранее опубликованных статей, а как концептуальное единство, синтез⁴. В предисловии к книгам обязательно давалась *авторская установка* на восприятие внутреннего единства статей. Известно несколько вариантов титульного листа, оглавления и предисловия И. Анненского ко «Второй книге отражений», несколько редакций Предисловия к «Ликам творчества» Волошина. Перед авторами стояла задача отбора и доработки статей, чтобы они являли собой самостоятельное целое, отвечающее основной задаче книги. Статьи, вошедшие в сборник, могли подвергаться переработке, изменениям относительно объема, названий, стилевых особенностей.

В контексте ситуации «единства и тесноты» книги статей обнаруживали новые стороны, производили нередко впечатление большей цельности, чем на газетной полосе или в журнале, воспринимаясь как нечто целостное и *новое*. Роль объединяющего начала выполняли расположение статей, их сцепление, структурообразующая функция автора книги. Оценивая подобные сборники, рецензенты отмечали их единство, кон-

⁴ И. Анненский в вариантах предисловия ко «Второй книге отражений» подчеркивал, что «это не сборник, а книга» [20]. Как и в книгах лирики, важной для символистов была установка на *внутреннюю* сторону статей, которую должен уловить читатель.

цептуальность (можно даже говорить об особом жанре рецензии на критические книги).

Критические книги можно также разделить на несколько типов по способу создания:

1. Первичные: статьи создаются специально для книги или для раздела книги (1-я «Книга отражений» Анненского, «Русские символисты» Эллиса, «Символизм» А. Белого, частично).

2. Книги, составленные из статей, которые первоначально публиковались в составе циклов («Лики творчества» Волошина, «Арабески» А. Белого).

3. Книги, состоящие из работ, издававшихся ранее независимо друг от друга («Литературный дневник» Гиппиус, «Критические статьи» П. Пильского).

Следуя получившей распространение на рубеже XIX–XX вв. традиции отдельных изданий критических статей, Измайлов большую часть газетных и журнальных публикаций в отчасти переработанном виде публикует в виде книг «Помрачение божков и новые кумиры: Книга о новых веяниях в литературе» (1910), «Литературный Олимп: Характеристики, встречи, портреты, автографы» (1911), «Пестрые знамена: Литературные портреты безвременья» (1913)⁵.

Измайлов был в первую очередь газетным критиком, публикуясь в такой высокотиражной газете, как «Биржевые ведомости», а также в журнальных приложениях к ней, в газете «Русское слово», где с середины 1900-х до 1916 г. вел критический фельетон. Необходимость донести широкому читателю со страниц массовой прессы новости литературной жизни во многом диктовала структуру и своеобразие жанра критических выступлений, способы подачи материала, стилистику. Для этого требовались доступный, живой язык, занимательное изложение. В переписке с Розановым Измайлов подчеркивал, что писать «надо популярно, весело, для нашего читателя» [21. С. 425]. Сложный аналитический, наполненный греко-латинскими цитатами в оригинале язык книги Вяч. Иванова «По звездам», «тронутый современной научно-философской терминологией» [22. С. 212], Измайлов называл «приват-доцентским языком», сильно ограничивающим круг ее читателей «литературными экспертами и гастрономами» [23. С. 4].

⁵ Мы исключаем из рассмотрения вышедшую отдельной брошюрой обзорную статью Измайлова «На переломе» (Библиотека театра и искусства. 1908. № 1. С. 32–71).

Близость к массовой читательской аудитории, стремление прислушаться к ее ожиданиям обусловили и доходчивость, доступность, занимательность. Критика стремится к лаконизму, выразительности, поэтике впечатлений, активному выявлению авторского «я». Этот процесс аналогичен переходу от описательности, «панорамной» изобразительности к более концентрированным и обобщенным формам в литературе. В русской критике, начиная со статей Белинского последнего периода, сложился такой тип статьи, которая достигала бы «полного погружения в нашу действительность» (Н.Г. Чернышевский) [24. С. 169]. В статьях многих критиков начала XX в. смещаются акценты: от «действительности» к литературе, к постижению художественной реальности, личности писателя. Границы жанров раздвигались за счет синтеза литературно-критического (аналитического), документального и художественного начал.

У Измайлова вырабатывается емкая, но выразительная синтетическая форма, включающая и аналитическое начало, и жанровые сценки, биографические реалии, интересные бытовые подробности, портретные зарисовки, анекдотические ситуации, пародии. Обращение к фактам биографии писателя, литературным разговорам выполняло важную функцию описания синхронного среза современности, статьи насыщались атмосферой подлинной жизни, в которой и творилась литература.

Обратимся прежде всего к заголовочному комплексу литературно-критических книг, включающему заглавия отдельных статей, название самой книги, подзаголовка, названия разделов, составляющих книгу. Согласно современным исследованиям стилистики и лингвистики текста, элементы заголовочного комплекса, передавая в компрессивном виде его содержание, выполняют информативно-ориентирующую роль в процессе взаимодействия с реципиентом [25. С. 159]. В заглавии текста, по классификации В.И. Тюпы, встречаются три важнейшие интенции: референтная – соотнесенность текста с художественным миром (при этом заглавие акцентирует интересубъективную значимость текста); креативная – соотнесенность текста с творческой волей автора (заглавие приобретает оценочный оттенок); рецептивная – соотнесенность текста с сотворческим сопереживанием читателя (заглавие адресуется воспринимающему сознанию, оно ищет адекватной читательской интерпретации) [26. С. 116].

По аналогии с этой классификацией можно установить и типологию названий в критике. Референтный тип реализуется в нейтральных заглавиях, обозначающих тему и проблему статьи, информирующих о жанрово-стилистических особенностях критического произведения; креа-

тивная интенция доминирует в публицистически-оценочных заглавиях, выражающих какую-либо эмоциональную (ироническую, сатирическую, сопереживающую тональность по отношению к рассматриваемой проблеме). Рецептивная функция в основном проявляется в заглавиях-цитатах, заглавиях-символах, заглавиях-вопросах.

В книгах Измайлова названия всех уровней, как правило, несут значительную экспрессивную нагрузку, через звучные, порой даже интригующие заглавия выражается отношение автора к писателю, произведению, поднятой проблеме. Значительная часть входящих в состав книг статей/разделов содержит метафорические заглавия (названия разделов в книге «Помрачение божков и новые кумиры» – «Хмель на руинах (Новое и старое)»⁶, «Творчество под барабан (Беллетристический репортаж)», «Лавочка антиквария (Неоархаисты и стилизаторы)», «Торжествующий Приап (Порнографы и эротоманы)», «В райке цирка (Литературные шпагоглотатели и престижисты)», «У стола клиники (Патологическая беллетристика)», «На львином трупе»; в книге «Литературный Олимп» – «Патриарх русской литературы», «На страже правды», «Разрушение игры», «Погасшие замыслы Чехова», «Двадцать пять лет по ложному следу», «Вера или неверие», «Русский человек на духу», «Куда надлежит мещанская душа», «На чужих рельсах», «Потемки души», Клиническая литература», «Загадки сфинкса», «Чарованья красных вымыслов»; в книге «Пестрые знамена» – «Банкротство идеалов», «Звонящий кимвал», «Цветы новой романтики», «В покинутой кумирне», «Старорусские кружева», «Потемки души», «Пророк безблагодатных дней», «Вывихнутые души», «Бегом через жизнь», «Стоячая вода», «Ранняя осень», «Раненая совесть»).

Обратим внимание на два замечания из авторского предисловия к книге «Помрачение божков и новые кумиры». Во-первых, Измайлов, обращаясь к читателям, выражает пожелание, что эта книга может «служить как бы страницей истории» и запечатлеть «и мертворожденные явления, казавшиеся когда-то кому-то жизненными, и самый характер исторической борьбы с ними». Во-вторых, «за книжкой может быть признан и характер справочника» [27. С. VI]. Не случайно в связи с этим

⁶ В. Розанов в рецензии на книгу обратил внимание на эмоциональную роль заглавия: «Первая глава его книги: “Хмель на руинах” самым заглавием говорит и пугает, что в 5–6 лет и, много, 10 лет совершился целый литературный потоп. Откуда-то хлынули новые воды, которые затопили и смыли все старые литературные постройки. Признаюсь, до чтения его книги мне это так ясным не представлялось» [5. С. 307].

книга содержит именной указатель, что далеко не часто использовалось в издательской практике дореволюционного времени.

Из всего этого своеобразного цикла-путеводителя по современной литературе «Помрачение божков и новые кумиры: Книга о новых веяниях в литературе», пожалуй, наиболее яркая и раскованная по стилистике, разнообразию критических приемов. В ней как бы по-новому «заиграли» разбросанные по разным номерам газет фельетоны, отобранные и включенные уже в состав книги, они оказались в новом контексте, приобрели большую цельность, чего, возможно, им порой не хватало на газетной полосе.

Концепция книги, как мы полагаем, зарождается еще в статье «На переломе», в которой ситуацию в современной литературе, где «закачались на своих пьедесталах старые боги», Измайлов сравнивает с политической борьбой с той разницей, что «старые» не выставили ни одного бойца за старые идеалы, а нападают только «новые». В среде «нового поколения жадно ищется человек, который помог бы разобраться во всех его «желаниях, исканиях и нащупываниях» [28. С. 26]. По мнению Измайлова, и в среде «Весов» нет того критика, который бы что-нибудь «значительное, проясняющее, ценное сделал за это время» [28. С. 27]. Роль такого «арбитра» берет на себя Измайлов в книге, рожденной, как он признавался, борьбой... из недели в неделю» за ту систему понятий, какую он считал «истиной» в литературе [27. С. IV].

Поэтому так важно для него было высказаться о состоянии критики. Во вступлении к одной из своих рецензий на «Творимую легенду» (именно этот фрагмент в переработанном виде вошел в предисловие к книге) Измайлов так оценивал сложное положение, в котором оказалась тогдашняя критика: «Никогда ранее, может быть, за вычетом поры Белинского и первых завоеваний реализма, не было столь ответственным и трудным положение критика. Бывают полосы в литературе, когда роль критики сводится к ничтожной величине. Установившиеся литературные формы царят полновластно. В них все уверовали и им все поклонились. В такое время не может быть блестящих критиков, как во время торжества веры не может быть исповедников и мучеников. У нас только что прошла такая полоса. Критике оставалось размышлять о содержании произведений. О форме говорить не приходилось. Твердыни реализма казались неприступным Порт-Артуром» [29. С. 4]. Измайлов утверждает, что тогда у нас «появился тип никчемной “критики”», специально занявшейся пересказом содержания произведения, а это, естественно, вызывало осуждение у вдумчивых читателей, которым критика по-прежнему была нужна: «Но осудить такую критику

не значит высказаться против критики вообще. Посмотрите, как ее алчет и читатель, и сам писатель сейчас, в пору ломки всего недавнего, вчерашнего и попыток принести на расчищенное место что-то новое. Пришнитесь к разброду молодежи. У них положительно нет режиссера <...> Все спуталось. Что хорошо и что дурно? Читатель не из самостоятельных растерян и смущен. Он засыпает недоуменными письмами редакции и литературных обозревателей. А надо всем этим недоумением звучит истошный голос литературных кликуш, поющих славу стихов без ритма, фраз без смысла, писателей без образования, рассказов без замысла, порнографов без стыда...» [29. С. 4].

По словам Лукиана Сильного, в этой книге дана «целая критическая история» «новых веяний», «в умелом и талантливом освещении проходят все модные писатели новейшей эпохи – от Андреева и Сологуба до Ауслендера и Лазаревского, от Бальмонта и Брюсова до Новикова и Потемкина» [1. С. 259]. Правда, рецензент, не принимает ее претенциозного заглавия, сильно напоминающего всех «арлекинов и паяцов современного декадентства» [1. С. 259]. По замечанию рецензента «Исторического вестника», эта книга стала настоящим праздником в современной нам литературной критике», она «поражает своей опрятностью, какой-то стихийной боязнью автора и самому испачкаться в грязи современной пошлости и цинизма, и запачкать читателя» [30. С. 334]. Высоко оценивается и язык книги, она сравнивается с художественным произведением, особенное внимание рецензента привлекают главы «У стола клиники (патологическая беллетристика)», «Творчество под барабан (беллетристический репортаж)» и заключительная – «На львином трупе» [30. С. 334–335]. Высокой оценки книга удостоивалась и в писательской среде: она, по словам В.Я. Брюсова, «"больше себя", т.е. больше того, что обещает» [21. С. 147].

Ее первая глава «Хмель на руинах» носит характер *введения*, где автор определяет состояние литературы после «недавней политической бури». Прежде всего его интересует проблематика, которая в современном литературоведении обозначена как социология литературного успеха («культ» писателя, формирование фигуры модного автора и др.). Полагаем, что именно внимание к проблеме создаваемых писательских репутаций становится одним из важнейших скрепляющих мотивов всей трилогии. Измайлов здесь рассуждает о современной славе, о невиданной смене прежних традиций, правил, называя это «игрой в литературную чехарду» [27. С. 7]. Вспоминая прежние времена и сравнивая их с нынешними (эпохи так называемых «ускоренных» репутаций), Измайлов заметил, что «ни о Пушкине, ни о Гоголе у нас, ни о Гюго

во Франции, ни о Диккенсе в Англии – никогда не появлялось сотой доли тех сообщений, слухов, сплетен, выдумок, какими совершенно и со всех сторон обросло имя модного писателя» [31. С. 239] (речь шла о Л. Андрееве), а современным «уличным скандалистам» «платили гонорары, какие не снились Тургеневу и Фету, и их имена печатали жирным шрифтом, как имена примадонн и премьеров» [27. С. 106].

На основе наблюдения над поведением К. Бальмонта в беседе с Львом Толстым Измайлов справедливо заметил: «Не думайте, что образ художника у толпы создается после серьезного изучения, после внимательного разглядывания. Толпа запоминает мелочь. По мелочи делает вывод. Иногда в мелочи поразительно нащупывает правду. Потому что иногда мелочи говорят удивительно красноречиво» [32. С. 75].

Измайлов много писал о том, как у публики внимание к творчеству перевешивалось нередко интересом к внешней стороне жизни автора, литературное произведение утрачивало свою значимость на фоне интереса к частной жизни и стратегии поведения писателя. Уже в первой главе он из всех представителей «новой школы» пристальное внимание обращает на фигуры Брюсова и Бальмонта: именно они, по мысли критика «занимают заслуженное положение на современном поэтическом Олимпе» [27. С. 5]. Брюсов и Бальмонт станут «героями» третьей книги Измайлова, здесь же он только как бы подготавливает читателя, демонстрируя, как оба поэта «дали нам залог будущих успехов нашей поэзии» [27. С. 14]. По мысли Измайлова, литература стремится к свободе, жаждет ее. В непрекращающемся и постоянном движении литературы, где происходит вечная борьба «старой» и «новой» школы, состоит прогресс в ее развитии. Вместе с тем он не приемлет крайностей «правых», стремящихся во что бы то ни стало отстоять «столбы недавно самодержавного реализма», игнорируя «тайну психологического реализма». С другой стороны, «левые» в желании сломать все старое «готовы преклониться пред всякой бессмыслицей, пошлостью в бубенчиках новизны» [27. С. 37–38]. В заключительной главе тезис Измайлова о «росте» литературы получит дальнейшее развертывание. Он приводит выразительный пример, иллюстрирующий изменения стилистики названий в литературе. Например, писатель XIX в. мог так начать произведение: «“Молодая дама прекрасной наружности сидела в роскошном будуаре в глубокой задумчивости...”, “В жаркий майский день, на большой проезжей дороге тащила кибитка, в которой сидели два молодых человека...”, “Солнце весело сияло на горизонте, освещая” и т.д., – все это такие начала, какими уже не воспользуется ни один автор, если у него есть чутья и такта хотя бы на горчичное зерно» [27. С. 212].

Последующие главы посвящены новым течениям последнего времени – фальшиво-гражданской поэзии, стилизации и неоархаике, порнографическому и эротоманскому уклону, патологической беллетристике⁷. Следует заметить, что именно в этих главах Измайлов нередко прибегал к морально-этическим аргументам. Такая аргументация применялась им и ранее, например, при анализе героя одноименного романа М. Арцыбашева «Санин»: «Но, разумеется, можно далеко уйти и совсем запутаться в нравственных началах, если на место старых судей человека – разума и совести – поставить только одно чувство и даже, как делает Санин, чувственность» [33. С. 1]. Особенно много о «порче нравов» говорится в главе «Торжествующий Приап (Порнография и эротоманы), где подвергаются осуждению не только табуированные для русской литературы сюжеты (гомосексуализм и лесбийская любовь в повестях М. Кузмина «Крылья» и «Тридцать три уroda» Л. Зиновьевой-Аннибал), но и в целом обострившийся «культ тела», «вакханалия порнографии и эротоманства» в литературе [27. С. 117]. Тон высказывания критика становится обличительным: «Отвратительный век! Век, сложивший свое преклонение, свои венки, лавры и фимиам перед сыщиком, лакеем, горничной, раскрывающей тайны барского алькова, – пред палачом и проституткой!» [27. С. 107]. В книге прозвучал призыв: «...будем соблюдать священную чистоту в храме красоты и творчества. Художник будет облагораживать толпу, призывать ее к нравственной красоте...» [27. С. 104].

Последняя глава «На львином трупе» носит характер *завершения*, подведения итогов и взгляды в завтрашний день. Измайлов делает выводы теоретического плана (впрочем, в каждой из частей трилогии они явно или потенциально присутствуют) – об эволюции романа, рассказа, драмы, о праве поэта «делиться своими неясными, смутными, неопределенными настроениями» [27. С. 225]. Итоговый вывод приводит читателя к пониманию того, что в «новой» литературе, как и в «старой», уже определились свои вершины. «Произошел тот исторический процесс, какой всегда происходит в жизни народов, когда новая, буйная и дикая сила налегает на стареющую культуру. *Победители вливают новые соки в старый народный механизм, но подчиняются веками слагавшейся*

⁷ Некоторые главы еще сопровождаются эпиграфами, задающими эмоциональную направленность восприятия содержания, как в 4-й главе «Торжествующий Приап» отрывки из «Послания к римлянам» апостола Павла и «Жизни животных» А. Брэма. Последний отрывок (о семействе жуков-навозников) оказывается напрямую связан с последующими рассуждениями в конце главы о «навозном направлении» в литературе [27. С. 120–122].

культуре» [27. С. 243]. Таким образом, протягиваются нити к следующей части трилогии.

В «Литературном Олимпе» выстраивается своеобразная двойственная *иерархия* тех писательских имен, какие должны быть внесены в пантеон современной литературы. Из всех современников, по мнению Измайлова, бесспорна слава лишь Толстого и Чехова, однако и за другими именами есть «своя доля бескорыстного просветительского влияния», «они способны интересовать как писатели и люди» [32. Вместо Предисловия]. Степень значимости той или иной фигуры, очевидно, отражена в композиционном порядке статей (от Льва Толстого к Всеволоду Соловьеву). Эта книга самым подзаголовком «Характеристики, встречи, портреты, автографы» указывает на ее жанровое своеобразие. Это книга литературных портретов, где личность писателя максимально и всесторонне приближена к читателю: в ней звучат «голоса» писателей, включены их фотографии-портреты, автографы. Как бы признавая включение в книгу разноуровневых имен, Измайлов указывает еще на столь важный для него критерий – «успеха» в настоящем или недавнем прошлом. В одном из писем к Брюсову излагался ее замысел: «... все входящие статьи... сопровождаются страничками моих личных впечатлений от знакомства» [22. С. 149]. Измайлов одним из первых русских критиков внес вклад в развитие жанра литературно-критического интервью, адресованного массовому читателю газеты. Воссозданный в этой жанровой форме через достижение эффекта подлинности и непринужденности беседы портрет позволял ему создать живой образ писателя, приблизить его к читателю и развеять существующие слухи, предубеждения, циркулирующие порой в среде массовой публики. Опыт Измайлова-интервьюера помог ему в создании оригинальной формы литературного портрета в «Литературном Олимпе», где, каждая глава сопровождается очерком с элементами интервью⁸ с авторами («В Ясной Поляне», «У Горького на Капри», «На первом чтении “Рассказа о семи повешенных”»), портрет Брюсова дополнен очерком «В старом доме, на Цветном бульваре», включающем материалы личных встреч, бесед с Брюсовым).

⁸ На рубеже XIX–XX вв. интервью не ограничивалось исключительно беседой журналиста и интервьюируемого, в нем содержались портретные зарисовки, описание внешности, быта и т. д. [33. С. 223]. С современной точки зрения корректно говорить о «синтетической, гибридной природе интервью рубежа XIX–XX вв., сочетании различных речевых жанров в пределах одной формы: интервью-очерк, интервью-статья, репортаж-интервью или заметка-интервью – все эти жанры еще не имели строгой закреплённости и взаимно влияли друг на друга» [34. С. 82].

Все эти особенности не ускользнули от внимания критиков. Так, рецензент «Исторического вестника» сетовал, что критик «возвел на Олимп русской литературы рядом с бесспорными вождями, как Толстой и Чехов, из-под влияния которых она еще не вышла и не скоро выйдет, и средние величины, вроде Салиаса или Всеволода Соловьева» [3. С. 779]. Борис Садовской особенно выделил новизну *приема* Измайлова и подчеркнул значение книги для истории литературы: «...литературные характеристики соединены в «Олимпе» г. Измайлова с рядом «интервью», в которых мы знакомимся с обстановкой жизни наших писателей и слышим их подлинные речи <...> Из поездок в Ясную Поляну и на Капри, из воспоминаний о гр. Е. Салиасе и Вс. Соловьеве, из посещений Л. Андреева и Вал. Брюсова, из встреч с Фед. Сологубом и И. Ясинским – извлек он ряд любопытных штрихов, которые в свое время сослужат службу историку литературы, как добросовестные познания современника» [35. С. 92].

Книга «Пестрые знамена», вышедшая с подзаголовком «Литературные портреты безвременья», также типологически стоит в одном ряду с так называемыми «жанровыми» книгами, включающими статьи определенного жанра («Силуэты русских писателей» Ю. Айхенвальда, «Критические рассказы» К. Чуковского, «Письма о поэзии» П. Перцова и т. д.). Первоначально книга должна была выйти под заглавием «Литературный Олимп-2». И первое, и второе заглавие свидетельствуют, безусловно, о выстраивании иерархии и построении определенного канона. Не все авторы с этим соглашались. Например, Амфитеатров писал: «На обложке Ваших рассказов прочел я содержание будущей Вашей книги (должен сознаться, ужасно мне не нравится ее название, – не знаю, как другие, но я олимпийцем никогда не был, не чувствую себя им, не буду и быть не хочу) [22. С. 266].

Она выросла из цикла портретов современников, публиковавшихся в журнале «Новое слово». Само название ее выражает «пестроту» представленных фигур писателей: здесь и символисты (Мережковский, Бальмонт, Блок. Вяч. Иванов, Гиппиус), и реалисты (Амфитеатров, Бунин, Чириков, Вересаев), а ее композиция зримо представляет эту «пестроту». Довольно точно рецензент определил «секреты» успеха этой и других книг Измайлова: уравновешенность позиции критика, ориентация на интересы широкого читателя и живой выразительный язык [36. С. 178–179]. В другом отзыве подчеркивалась «редкая добросовестность критика», «он великолепно знает того писателя, о котором пишет», что дает ему возможность «так легко и в то же время исчерпывающе синтезировать все самое существенное в данном писателе». [37. С. 624].

В «Пестрых знаменах» получил дальнейшее развитие пристальный интерес к литературным репутациям современников: на конкретных примерах судеб писателей критик рассуждает о «раздутых» и «пониженных», медленно создававшихся репутациях, а также репутациях, в создании которых наименьшее место отводится удаче. Эти рассуждения составляют довольно существенную часть многих статей Измайлова, включенных в книгу.

Статья о Бунине «Ранняя осень» начинается с рассуждения о *замедленном* достижении его писательского успеха: «Медленно и тяжело создавалась литературная репутация Бунина. Он разделил обычную участь миниатюристов в искусстве. <...> Миниатюру замечает только любитель. Когда-то когда ее рассмотрит толпа!» [32. С. 202]. В статье «Потемки души (Литературный портрет А.Н. Будищева)» критик не оставил незамеченным один из парадоксов функционирования литературы в читательском сознании: «Есть раздутые и есть пониженные репутации в литературе. В сущности, далеко не один талант определяет карьеру писателя <...> Есть писатели, которых много читают и о которых немного пишут» [32. С. 215].

В статье об Арцыбашеве «Банкротство идеалов»⁹ (1910) Измайлов размышляет о зависимости писателя от времени, но применительно к Арцыбашеву готов осудить: «когда писатель без внутреннего магнетизма бежит за модой и поставяет тот товар, какой в любую минуту в большом спросе на рынке» [32. С. 8]. Наблюдения над эволюцией поэзии Бальмонта дают основание критику подметить, что «скромность с некоторого времени перестала быть свойством талантов», а слава Бальмонта в настоящий момент «на ущербе» [32. С. 74].

Обозрение новых течений в беллетристике отразило острый интерес критика к проблеме читателя, дифференциации читательских интересов, того, что он называет «читательским расколом» по отношению к «старой» и «новой» литературе. Что особенно интересно, Измайлов учитывает и результаты проводившихся в начале XX века статистических данных о читательских запросах в провинциальных библиотеках¹⁰. Это

⁹ В журнальной публикации статья называлась иначе: Измайлов А. Путаница идеалов (Повести и рассказы М. Арцыбашева) // Новое слово. 1910. № 7.

¹⁰ Он был не одинок в этом направлении, данные о читательских интересах публиковали «Мир Божий» (Левин К. Что читает и чем интересуется учащаяся молодежь // Мир божий. 1903. № 11–12), «Русская мысль» (Кауфман А. Русская курсистка в цифрах // Русская мысль. 1912. № 6), особенно широко публиковались они в педагогических журналах (Бачалдин И. Ученик-читатель (анкета о чтении в средней школе) // Русская школа. 1912. № 3; Степанец Б. Семинаристы из народа // Вест-

давало ему дополнительные аргументы для вывода о том, какие читательские слои создавали успех тем или иным писателям.

Тщательно работая над каждой из книг, отбирая, уточняя и в ряде случаев перерабатывая¹¹ ранее опубликованные статьи, Измайлов добивался того, чтобы не только каждая книга, но и все они воспринимались как нечто целостное, как своего рода критическая трилогия¹².

Вся трилогия обращена не к прошлому, как «Вечные спутники» Д.С. Мережковского, «Русская Камена» Б. Садовского, а к переходной эпохе рубежа XIX–XX вв., пополняя ряд изданий, посвященных современности, что образует в совокупности своеобразную критическую историю новейшей русской литературы.

В отличие от критических опытов модернистов, обращенных к ограниченному кругу «ценителей», книги Измайлова изначально адресованы самому широкому кругу читателей, в чем признавался сам критик и что, в свою очередь, определяет их жанровое своеобразие. Книги Измайлова представляют интерес для историка русской литературы и как живая зарисовка литературного быта, отношений писателя и публики, анализ изменений, произошедших в отношении читателя к автору на рубеже веков. Поэтому не только К.И. Чуковский, которому, как правило, отдают пальму первенства в постановке проблем массовой литературы

ник воспитания. 1902. № 1; Симонов И.С. Что читают воспитанники наших кадетских корпусов // Педагогический сборник, издаваемый при Главном управлении военно-учебных заведений. СПб., 1905. № 2, 6–9) и др.

¹¹ Смягчив несколько высказанные ранее определения пьесы «Незнакомка» как «архимодернистской», «голубой чепухи» («Биржевые ведомости», 1907, 14 сент.), Измайлов все же оставляет в статье «Цветы новой романтики (Поэзия Александра Блока)», вошедшей в «Пестрые знамена», общее неприятие декадентских проявлений в творчестве Блока. В «Незнакомке», по утверждению критика, «решительно не разберутся и Спиноза с Аристотелем», «это какой-то сплошной дикий хаос, содержание которого отмечено невероятным смешением символов и реальной обстановки, голубых лучей и сыра бри, звезды, упавшей с неба и воплотившейся в женщину, и пьяных забулдыг, несущих дичь в таверне» [32. С. 64]. Некоторый материал для реконструкции творческой истории его книг дает переписка, из которой становится известным, как Измайлов вносил правку в статью о Брюсове [22. С. 152], как дорабатывал статью о Блоке «Шифрованная поэзия» для книги «Помрачение божков...» [33. С. 200], но в целом творческая история изданий Измайлова требует отдельного кропотливого исследования.

¹² Измайлов применяет и такой прием, как ретроспективная отсылка к предшествующей работе: «О психологии “навязчивых идей” как одного из преобладающих мотивов писательства Сологуба см. в моей книге “Помрачение божков и новые кумиры”, стр. 167–182» [32. С. 335]; «Интересующихся именно этой стороной поэзии А. Блока отсылаю к моей книге “Помрачение божков”» [С. 64] и др.

в начале XX века, но и А.А. Измайлов может быть назван в этом ряду не только наблюдателем, хроникером литературных нравов эпохи, но и ее аналитиком, зачинателем. Заметим, что книги Измайлова сыграли определенную роль в осознании и формировании на рубеже XIX–XX вв. таких социокультурных явлений, как «модный автор», «литературная репутация» (задолго до И.Н. Розанова).

Список источников

1. Лукиан Сильный [Либрович С.Ф.]. Удачная книга с неудачным заглавием // Вестник литературы. 1909. № 10. С. 239–240.
2. [Б. п.] Измайлов А. Кривое зеркало. Пародии и шаржи. СПб. 1912. [Рец.] // Новый журнал для всех. 1912. № 3. С. 122.
3. Н.Л. [Лернер Н.] А. Измайлов. Литературный Олимп. Характеристики, встречи, портреты, автографы. М. 1911. [Рец.] // Исторический вестник. 1911. № 11. С. 779–780.
4. Русская критика современной литературы: Характеристики, образцы, портр. СПб. : Вестник знания, 1912. 104 с.
5. Розанов В.В. Старая и молодая Россия. Статьи и очерки 1909 г. М. : Республика, 2004. 468 с.
6. Крылов В.Н. Русская символистская критика: генезис, традиция, жанры. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2005. 268 с.
7. Федотова С.В. Литературно-критическое своеобразие «Книги об Александре Блоке» К. Чуковского // Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 32. С. 26–44.
8. Захарова Е.М. Книга литературно-критических статей как структурно-семантическое единство: 1986–1989 гг. : дис. ... канд. филол. наук. М., 2020. 301 с.
9. Шатин Ю.В. Три аспекта жанровой теории // Проблемы литературных жанров : материалы VI научной межвузовской конференции, Томск, 7–9 декабря 1988 г. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1990. С. 5–6.
10. Самарин Ю.Ф. Сочинения: в 12 т. Т. 12: Письма 1840–1853. М. : Д. Самарин, 1911. 479 с.
11. Эдельсон Е.Н. Несколько слов о современном состоянии и значении у нас эстетической критики // Русская эстетика и критика 40–50-х гг. XIX в. М. : Искусство, 1982. С. 250–283.
12. Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем в 20-ти томах. Т. 7. Проза (1903–1907. М. : Наука, 2003. 503 с.
13. Шестаков Д. Наша литература // Слово. 1907. № 37. 1(14) янв. С. 3.
14. Русская литература XX века (1890–1910): В 2-х кн. Кн. 2 / под ред. С.А. Венгерова. М. : Изд. дом «XXI век – Согласие». 2000. 472 с.
15. Котрелев Н.В. Переводная литература в деятельности издательства «Скорпион // Социально-культурные функции книгоиздательской деятельности : сб. науч. тр. М. : ВГБИЛ, 1985. С. 68–133.
16. Дубин Б.В. Слово – письмо – литература: Очерки по социологии современной культуры. М. : Новое литературное обозрение, 2001. 416 с.

17. Стоун Дж. Институты русского модернизма: концептуализация, издание и чтение символизма. М. : Новое литературное обозрение, 2022. 374 с.
18. Толстых Г.А. Книготворческие взгляды русских символистов // Книга. Исследования и материалы. Сб. 68. М. : Терра, 1994. С. 209–229.
19. «Кожебак!.. Да ведь это хуже, чем гусак!!!» Письма Андрея Белого к А.М. Кожебаткину. Предисловие, публикация и комментарии Джона Малмстада // Лица : Биографический альманах. 10. СПб. : Феникс : Дмитрий Буланин, 2004. С. 127–176.
20. Анненский И.Ф. Варианты титульного листа, оглавления и предисловия ко «Второй книге отражений» // РГАЛИ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 155.
21. Измайлов А.А. Переписка с современниками / сост., вступ. ст., подгот. текста, предисловия, примеч. Александров А.С. и др. СПб. : Пушкинский Дом, 2017. 728 с.
22. Максимов Д.Е. Поэзия проза Ал. Блока. Л. : Сов. писатель, 1975. 526 с.
23. Аякс [А. Измайлов]. В литературном мире. «По звездам» Вячеслава Иванова // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1909. № 12270. 20 августа. С. 4.
24. Бурсов Б.И. Мастерство Чернышевского-критика. Л. : Сов. писатель, 1956. 338 с.
25. Лазарева Э.А. Заголовочный комплекс текста – средство организации и оптимизации восприятия // Известия Уральского государственного университета. 2006. № 40. С. 158–166.
26. Тюпа В.И. Аналитика художественного: Введение в литературоведческий анализ. М. : Лабиринт: РГГУ, 2001. 189 с.
27. Измайлов А.А. Помрачение божков и новые кумиры : Кн. о новых веяниях в лит-ре. М. : Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1910. VIII, 251 с.
28. Измайлов А.А. На переломе: Литературные размышления. СПб. : Театр и искусство, 1908. 59 с.
29. Неблагодарный читатель [Измайлов А.]. Искания и заблуждения (Новый роман Ф. Сологуба «Навыи чары») // Слово. 1907. 14 дек. № 330. С. 4.
30. А.Я. А.А. Измайлов. Помрачение божков и новые кумиры // Исторический вестник. 1910. № 1. С. 334–335.
31. Измайлов А.А. Литературный Олимп: характеристики, встречи, портреты, автографы. М. : Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1911. 472 с.
32. Измайлов А.А. Пестрые знамена: Литературные портреты безвременья. М. : Т-во И.Д. Сытина, 1913. 231 с.
33. Измайлов А. Что нового в литературе // Биржевые ведомости. 1907. 29 сент. № 231. С. 1.
34. Александров А.А., Александрова Э.К., Грякалова Н.Ю. Литературно-критическая деятельность А.А. Измайлова и литературные репутации писателей-символистов (В.Я. Брюсов – А.А. Блок – К.Д. Бальмонт – Вяч. Иванов) // Писатель – критика – читатель: Механизмы формирования литературной репутации в России во второй половине XIX – первой трети XX вв. : коллективная монография / отв. ред. А.С. Александров. СПб. : Росток, 2022. С. 170–238.
35. Селютина Е.А. Зарождение жанра литературного интервью на рубеже XIX–XX веков // Филологический класс. 2022. Т. 27, № 4. С. 76–87.

36. Садовской Б.А. Измайлов. Литературный Олимп. Характеристики, встречи, портреты, автографы. М., 1911. [Рец.] // Русская мысль. 1911. № 3. С. 92–93.
37. Ронин А. А. Измайлов. Пестрые знамена [Рец.] // Новый журнал для всех. 1913. № 4. С. 178–179.

References

1. Lukian Silnyy [Librovich, S.F.] (1909) *Udachnaya kniga s neudachnym zaglaviem* [A superior book with an inferior title]. *Vestnik literatury*. 10. pp. 239–240.
2. Anon. (1912) *Izmaylov A. Krivoe zerkalo. Parodii i sharzhi*. SPb. 1912. [Rets.]. [A. Izmaylov. The Distorting Mirror: Parodies and Caricatures. St. Petersburg, 1912. [Review]]. *Novyy zhurnal dlya vsekh*. 3. p. 122.
3. N.L. [Lerner, N.]. (1911) *A. Izmaylov. Literaturnyy Olimp. Kharakteristiki, vstrechi, portrety, avtografy*. M. 1911. [Rets.]. [A. Izmaylov. Literary Olympus: Characteristics, Encounters, Portraits, Autographs. Moscow, 1911. [Review]]. *Istoricheskiy vestnik*. 11. pp. 779–780.
4. Anon. (1912) *Russkaya kritika sovremennoy literatury: Kharakteristiki, obraztsy, portr* [Russian Criticism of Modern Literature: Characteristics, Samples, Portraits]. St. Petersburg: Vestnik znaniya.
5. Rozanov, V.V. (2004) *Staraya i molodaya Rossiya. Stati i ocherki 1909 g.* [Old and Young Russia. Articles and Essays 1909]. Moscow: Respublika.
6. Krylov, V.N. (2005) *Russkaya simvolistskaya kritika: genezis, traditsiya, zhanry* [Russian Symbolist Criticism: Genesis, Tradition, Genres]. Kazan: Kazan University.
7. Fedotova, S.V. (2023) *Literary and critical singularity of the Book about Alexander Blok by K. Chukovsky. Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 32. pp. 26–44. (In Russian).
8. Zakharova, E.M. (2020) *Kniga literaturno-kriticheskikh statey kak strukturno-semanticheskoe edinstvo: 1986–1989 gg* [The book of literary-critical articles as a structural-semantic unity: 1986–1989]. Philology Cand. Diss. Moscow.
9. Shatin, Yu.V. (1990) *Tri aspekta zhanrovoy teorii* [Three Aspects of Genre Theory]. *Problemy literaturnykh zhanrov* [Problems of Literary Genres]. Proc. of the 6th Inter-university Conference, Tomsk, December 7–9, 1988. Tomsk: Tomsk State University. pp. 5–6.
10. Samarin, Yu.F. (1911) *Sochineniya: v 12 t.* [Works: in 12 vols]. Vol. 12. Moscow: D. Samarin.
11. Edelson, E.N. (1982) *Neskol'ko slov o sovremennom sostoyanii i znachenii u nas esteticheskoy kritiki* [A few words about the current state and significance of our aesthetic criticism]. In: *Russkaya estetika i kritika 40–50-kh gg. XIX v.* [Russian Aesthetics and Criticism of the 1840 – 1850s]. Moscow: Iskusstvo.
12. Blok, A.A. (2003) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 20-ti tomakh* [Complete Collection of Works and Letters in 20 vols]. Vol. 7. Moscow: Nauka.
13. Shestakov, D. (1907) *Nasha literatura* [Our literature]. *Slovo*. 37. p. 3.
14. Vengerov, S.A. (ed.) (2000) *Russkaya literatura XX veka (1890–1910)* [Russian Literature of the 20th century (1890–1910)]. Vol. 2. Moscow: XXI vek – Soglasie.
15. Kotrelev, N.V. (1985) *Perevodnaya literatura v deyatelnosti izdatel'stva "Skorpion"* [Translated Literature in the Publishing Activities of 'Scorpio']. In: *Sotsial'no-kul'tur-*

- nye funktsii knigoizdatel'skoy deyatel'nosti* [Socio-cultural functions of book publishing]. Moscow: VGBIL. pp. 68–133.
16. Dubin, B.V. (2001) *Slovo-pismo-literatura: Ocherki po sotsiologii sovremennoy kul'tury* [Word-Writing-Literature: Essays on the Sociology of Contemporary Culture]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie.
 17. Stone, J. (2022) *Instituty russkogo modernizma: kontseptualizatsiya, izdanie i chtenie simbolizma* [The institutions of Russian modernism: Conceptualizing, publishing, and reading symbolism]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie.
 18. Tolstykh, G.A. (1968) Knigotvorcheskie vzglyady russkikh simvolistov [Book-creating views of Russian symbolists]. In: *Kniga. Issledovaniya i materialy* [The Book: Research and Materials]. Vol. 68. Moscow: Terra. pp. 209–229.
 19. Malmstad, J. (ed.) (2004) "Kozhebak!...Da ved' eto khuzhe, chem gusak!!!" Pis'ma Andrey a Belogo k A.M. Kozhebatkinu. Predislovie, publikatsiya i kommentarii Dzhona Malmstada ["Kozhebak!...It's worse than a gander!!!" Letters of Andrei Bely to A.M. Kozhebatkin. Foreword, publication and comments by John Malmstad]. *Litsa: Biograficheskiy almanakh*. Vol. 10. St. Petersburg: Feniks; Dmitriy Bulanin. pp. 127–176.
 20. Annenskiy, I.F. (n.d.) *Varianty titul'nogo lista, oglavljeniya i predisloviya ko "Vtoroy knige otrazheniy"* [Variants of the title page, table of contents and preface to The Second Book of Reflections]. RGALI. Fund 6. List 1. File 155.
 21. Izmaylov, A.A. (2017) *Perepiska s sovremennikami* [Correspondence with Contemporaries]. St. Petersburg: The Pushkin House.
 22. Maksimov, D.E. (1975) *Poeziya i proza Al. Bloka* [Poetry and prose of A. Blok]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
 23. Ayaks [Izmaylov, A.] (1909) V literaturnom mire. "Po zvezdam" Vyacheslava Ivanova [In the literary world. "By the Stars" by Vyacheslav Ivanov]. *Birzhevyye vedomosti. Vech. vyp.* 12270. 20th August. p. 4.
 24. Bursov, B.I. (1956) *Masterstvo Chernyshevskogo-kritika* [Chernyshevsky's mastery as a critic]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
 25. Lazareva, E.A. (2006) Zagolovochnyy kompleks teksta – sredstvo organizatsii i optimizatsii vospriyatiya [The title complex of the text – means of organization and optimization of perception]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 40. pp. 158–166.
 26. Tyupa, V.I. (2001) *Analitika khudozhestvennogo: Vvedenie v literaturovedcheskiy analiz* [Analyzing the Fiction: An Introduction to Literary Analysis]. Moscow: Labirint; RGGU.
 27. Izmaylov, A.A. (1910) *Pomrachenie bozhkov i novye kumiry: Kn. o novykh veyaniyakh v literature* [The corruption of gods and new idols: A book on new trends in literature] Moscow: I.D. Sytin.
 28. Izmaylov, A.A. (1908) *Na perelome: Literaturnye razmyshleniya* [At the Turning Point: Literary Reflections]. St. Petersburg: Teatr i iskusstvo.
 29. Neblagosklonnyy chitateľ [Izmaylov, A.] (1907) Iskaniya i zabluzhdeniya (Novyy roman F. Sologuba "Navi chary") [Seekings and Delusions (F. Sologub's New Novel "Navi Charms")]. *Slovo*. 14th December. 330. p. 4.
 30. Ya, A. (1910) A.A. Izmaylov. Pomrachenie bozhkov i novye kumiry [The corruption of gods and new idols]. *Istoricheskiy vestnik*. 1. pp. 334–335.

31. Izmaylov, A.A. (1911) *Literaturnyy Olimp: kharakteristiki, vstrechi, portrety, avtografy* [Literary Olympus: characterizations, encounters, portraits, autographs]. Moscow: I.D. Sytin.
32. Izmaylov, A.A. (1913) *Pestrye znamena: Literaturnye portrety bezvremeniya* [The motley banners: Literary portraits of the timelessness]. Moscow: I.D. Sytin.
33. Izmaylov, A. (1907) Chto novogo v literature [What's new in the literature]. *Birzhevye vedomosti*. 29th September. p. 1.
34. Aleksandrov, A.A., Aleksandrova, E.K. & Gryakalova, N.Yu. (2022) Literaturno-kriticheskaya deyatelnost' A.A. Izmaylova i literaturnye reputatsii pisateley-simvolistov (V.Ya. Bryusov – A.A. Blok – K.D. Bal'mont – Vyach. Ivanov) [Literary-critical activity of A.A. Izmaylov and literary reputations of Symbolist writers (V.Y. Brusov – A.A. Blok – K.D. Balmont – Vyach. Ivanov)]. In: Aleksandrov, A.S. (ed.) *Pisatel' – kritika – chitatel': Mekhanizmy formirovaniya literaturnoy reputatsii v Rossii vo vtoroy polovine XIX – pervoy trety XX vv.* [Writer – Critic – Reader: Mechanisms of Literary Reputation Formation in Russia in the Second Half of the 19th – First Third of the 20th Centuries]. St. Petersburg: Rostok. pp. 170–238.
35. Selyutina, E.A. (2022) Zarozhdenie zhanra literaturnogo interv'yua na rubezhe XIX–XX vekov [The Birth of the Genre of Literary Interview at the Turn of the 20th Centuries]. *Filologicheskij klass*. 27(4). pp. 76–87.
36. Sadovskoy, B.A. (1911) Izmaylov. Literaturnyy Olimp. Kharakteristiki, vstrechi, portrety, avtografy. M., 1911. [Rets.] ["Izmaylov. Literary Olympus. Characteristics, Encounters, Portraits, Autographs. Moscow, 1911. [Review]]. *Russkaya mysl'*. 3. pp. 92–93.
37. Ronin, A.A. (1913) Izmaylov. Pestrye znamena. [Rets.] [Izmaylov. Variegated Banners. [Review]]. *Novyy zhurnal dlya vsekh*. 4. pp. 178–179.

Сведения об авторе:

Крылов Вячеслав Николаевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы и методики ее преподавания Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия); научный сотрудник Русской христианской гуманитарной академии им. Ф.М. Достоевского (Санкт-Петербург, Россия).
E-mail: krylov77@list.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Viacheslav N. Krylov, Dr. Sci. (Philology), professor, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation); research fellow, Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky (Saint Petersburg, Russian Federation).
E-mail: krylov77@list.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.07.2024;
одобрена после рецензирования 16.10.2024; принята к публикации 16.10.2024*

*The article was submitted 28.07.2024;
approved after reviewing 16.10.2024; accepted for publication 16.10.2024*